

М. М. ГОРЕЛОВ

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОНЦЕ СВЕТА
(ПО «ПРОПОВЕДИ ВОЛКА АНГЛАМ»
АРХИЕПИСКОПА ВУЛЬФСТАНА)***

Темпоральные представления в христианской мысли раннего Средневековья основывались на обусловленной религиозными представлениями концепции линейного времени. В отличие от цикличности, присущей языческому восприятию времени, для христиан, особенно образованных клириков¹, составлявших, по сути, всю немногочисленную учёную элиту Запада той эпохи, время имело характер прямого вектора, направленного из древнего (дохристианского) прошлого к кульминационным событиям мировой истории — рождению, жизни, распятию и воскресению Христа, и далее — к ожиданию конца света и Страшного Суда. Это ожидание выражалось, в частности, в неоднократных всплесках миллениаристских настроений, связанных с той или иной круглой календарной датой, но могло также выражаться иначе — в предвкушении конца света под влиянием каких-либо политических и социальных катаклизмов, потрясавших время от времени ту или иную страну. Подобные катаклизмы — крупные нашествия завоевателей, стихийные бедствия, социальные потрясения, эпидемии — обычно влекли за собой не только массовые жертвы среди населения, но и деструкцию упорядоченных моделей бытия, вызывая тем самым психологический кризис у современников, крушение в их сознании привычных устоев миропорядка, что воспринималось как признаки грядущего конца этого мира. В рассматриваемом ниже труде англосаксонского церковного мыслителя XI века хорошо заметно, как целый комплекс подобных проблем, обрушившихся на его родину, складывается в общую картину апокалиптических ожиданий.

---

* Статья выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

¹ Простой народ, крестьяне, практически на протяжении всего Средневековья сохраняли, по сути, языческое мировосприятие, прикрытое тонким слоем официальной религии, что было обусловлено самим образом жизни и укладом хозяйства земледельца.

«Проповедь Волка англам» (*Sermo lupi ad anglos*) — замечательный памятник англосаксонской церковной литературы и риторики XI в. Она была сочинена видным английским прелатом и церковным подвижником Вульфстаном, архиепископом Йоркским и епископом Вустерским, в 1014 г.², в критический для страны момент завоевания и разграбления её датскими войсками. Псевдоним «Волк», взятый Вульфстаном, по-видимому, происходит напрямую из первой части его имени, дословно означающей «волк» в большинстве германских языков. Поскольку содержание этого произведения напрямую связано с историческим событийным контекстом, необходимо вкратце рассмотреть последний, чтобы в полной мере уяснить всю сложность ситуации, в которой оказалась английская государственность к моменту создания этого произведения.

Если IX век прошёл для Англии под знаком вторжений викингов, приведших к скандинавской колонизации значительной части страны и образованию Области Датского права (Денло), то X век ознаменовался своего рода «англосаксонской Реконкистой», начатой ещё Альфредом Великим и развернувшейся в полную силу при его потомках — Эдуарде Старшем (899–924), Этельстане (924–939), Эдмунде (939–946) и Эдведе (946–955). В результате Англия была объединена в единое королевство под гегемонией Уэссекса, а прежде независимая Область Датского права огнём и мечом приведена им к покорности. Новообразованное Английское королевство переживало подъём³. Но после вступления на престол Этельреда II (978–1016) набеги норманнов на Англию возобновились. В историографии бытуют противоречивые мнения о причинах и характере этого движения. Одни исследователи делают акцент на том, что набравший силу во второй половине X в. процесс формирования ранней государственности в Скандинавии, сопровождавшийся усилением королевской власти, привел к перерастанию обычных походов викингов, осуществлявшихся отдельными представителями знати, в централизованную военную экспансию под руководством королей (конунгов)

² <http://english3.fsu.edu/~wulfstan/>

³ Ч. Оман называл правление короля Эдгара «золотым веком», когда авторитет Англии, превратившейся из прежнего конгломерата варварских королевств в относительно единое, сильное государство, вырос во всей Европе. *Oman C. England before the Norman Conquest*. L.: Methuen, 1938. P. 543.

с целью территориальных присоединений⁴. Другие историки заостряют внимание на том, что походы викингов в этот период осуществлялись зачастую как раз теми представителями скандинавского общества, которые боролись против централизации и сопровождавшей её насильственной христианизации. Проигравшие в этой борьбе вынуждены были бежать за море в поисках новых мест для проживания и средств к существованию, и неудивительно, что значительная часть изгнанников выбрала привычные занятия викингов — пиратство, наёмничество и т.п. В частности, многие из них нашли прибежище в портах Нормандии, откуда совершали набеги на Англию⁵.

Завоевательные походы скандинавов конца X–XI вв. часто принимали государственный масштаб и возглавлялись конунгами, но с другой стороны, значительная масса набегов осуществлялась небольшими отрядами пиратствующих вольных предводителей или правителей мелких государств викингов, расположенных на островах Ирландского и Северного морей, в Ирландии, Камберленде.

Так или иначе, походы скандинавов в Англию возобновились, и в итоге вылились в завоевание страны датским королём Свейном Вилобородым и его сыном Кнудом. Среди причин поражений англосаксов следует упомянуть эгоистические, а порой и откровенно предательские настроения знати, как высшей, так и локальной. Неоднократно имели место случаи сговора представителей местной элиты с лидерами викингов: в одних случаях это делалось из стремления спасти свою вотчину ценой разграбления викингами соседнего графства или местности, в других — из-за традиционного сепаратизма бывших районов Денло, всегда тяготевших к прежней независимости от уэссекских королей и поддерживавших все нашествия скандинавов, в третьих — из-за явного нежелания сражаться и жертвовать своей жизнью или из корыстных интересов. В 1009 г. из-за междоусобной распри магнатов Бритрика и Вульфнота фактически погиб английский флот, высланный против датчан. Сказывалось «регионалистское» сознание знати, отождествлявшей свои интересы

---

⁴ Sawyer P. *Kings & vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100*. L., 1982, P. 147; Stafford P. *Unification & conquest: a political and social history of England in the X & XIth centuries*. L., 1989. P. 65, 117.

⁵ The Anglo-Saxon Chronicle // *English Historical Documents*. Vol. 1. L., Eyre & Spottiswood, 1953 (далее — ASC/EHD). P. 216.

не столько с абстрактным «отечеством», сколько с собственными владениями, а также преобладание настроений феодальной анархии в среде крупной аристократии, обретшей значительную силу и самостоятельность в ходе войн со скандинавами в X в. и «распоясавшейся» при слабом, безвольном короле. Наконец, стихийные бедствия — голод 1005 г., наводнение 1014 г. — усугубляли весь этот комплекс проблем, преследовавших Этельреда и его королевство.

«Столь велик был страх перед данами, — повествует летописец, — что никто и думать не мог о том, как изгнать их из страны или защитить её от них»⁶. Этот отрывок даёт представление о той панике и беспомощности, в которой пребывала королевская администрация, не говоря уж о населении. Помимо прочего, датчане захватили церковную столицу Англии — Кентербери — и взяли в заложники архиепископа Эльфги и ряд других церковных иерархов⁷. Раздражённые проволочками с выплатой дани, викинги зверски убили архиепископа, позднее причисленного к лику святых и почитавшегося в Англии как мученика⁸. Хронист сетовал: «Не было предводителя, собравшего бы войско... Когда враги были на юге, армия была на севере, когда они были на востоке — армия на западе... Ни биться с ними толком не могли, ни даже дань вовремя собрать...»⁹.

В 1013 г. начался решающий этап датского завоевания Англии (1013–1017 гг.), характеризовавшийся переходом от тактики пиратских экспедиций датчан к широкомасштабным боевым действиям на территории Англии непосредственно с целью её завоевания. В условиях продолжавшейся бездеятельности и деморализации английских властей Свейн с войском практически беспрепятственно совершил поход через всю Англию, всюду встречая выражение лояльности со стороны местной знати; уже ничто не препятствовало Свейну занять английский престол с соблюдением всех легитимизирующих процедур (коронации, и т.п.), но он внезапно умер 3 февраля 1014 г.¹⁰ Далее последовала вооружённая борьба между Этельредом, а затем его наследником Эдмундом Железнобоким, и сыном Свейна Кнудом,

⁶ ASC/EHD. P. 221.

⁷ Ibid. P. 220–222.

⁸ ASC/EHD. P. 222.

⁹ ASC/EHD. P. 221.

¹⁰ ASC/EHD. P. 223; Oman C. Op. cit. P. 574.

завершившаяся победой Кнута и приходом к власти в Англии датской династии (в его лице). Именно в период краткого затишья между смертью Свейна и дальнейшими военными действиями и увидела свет проповедь Вульфстана — в трагический для страны момент разорения и опустошения её иноземными войсками.

Датское нашествие сопровождалось значительными жертвами и разрушениями, трудностями, связанными с выплатой викингам дани, размер которой возрастал год от года¹¹. Полтора десятилетия военных действий почти на всей территории страны не могли не нанести ей серьёзного демографического и материального урона. Ежегодные записи хронистов свидетельствуют о крайней разрушительности набегов скандинавов; типичная фраза, характеризующая эти набеги: «Даны повсеместно жгли, убивали, разрушали всё вокруг, как обычно»¹². М. Лоусон видит в этом не банальную варварскую брутальность, а своего рода расчёт: чем больше были жертвы и разрушения, тем больше страх и, соответственно, больше готовность выплатить выкуп, лишь бы поскорее избавиться от незваных гостей, способных продолжать свои деяния в том же духе¹³. Это соответствовало средневековой практике войны, когда вместе с противником уничтожались его деревни, челядь, имущество, скот, посевы, и т.д.

Большие потери пришлись на долю военного сословия тэнов, а также защитников крепостей (бургов). Не зная в точности их число, можно, тем не менее, говорить о том, что они были весьма существенными, особенно в последний период войны; битвы Эдмунда Железнодорожного с датчанами отличались исключительной кровопролитностью, а о решающей битве при Эшингдоне (1016) хронист вообще писал, что «вся знать Англии погибла там»¹⁴. Хотя это эмоциональное преувеличение, оно подчёркивает серьёзность потерь. Что же касается прочего населения, то здесь цифры неизвестны, и приходится полагаться лишь на упоминавшиеся выше констатации хронистами крайней разрушительности набегов скандинавов.

---

¹¹ Тяжким бременем для страны стала постоянная выплата викингам «датских денег», сумма которых выросла с 16 тыс. до 72 тыс. фунтов серебром за период с 994 по 1018 г. (Ibid. P. 228).

¹² См.: ASC//EHD. P. 212–227.

¹³ Lawson M. K. *Cnut: the Danes in England in the early XI century*. L.; N.Y., 1993. P. 161.

¹⁴ ASC//EHD. P. 227.

Переходя непосредственно к проповеди Вульфстана, надо отметить, что крайне интересным и в своём роде знаковым моментом является обращение Вульфстана к другому памятнику английской традиции историописания — труду кельтского (бриттского) историка Гильдаса «О разорении Британии», посвящённому нашествию англосаксов на Британские острова в V–VI вв., которое протекало в сходных условиях и привело к похожим результатам — разрушению прежней государственности, опустошению страны и переходу власти в руки пришельцев из-за моря. Гильдас Мудрый (*Gildas Sapiens*) (ок. 490–570) был представителем христианской романо-кельтской культуры. В “*De excidio Britanniae*” Гильдас с морализаторских позиций осуждает своих соплеменников-бриттов, за грехи которых остров подвергся нашествию англо-саксов. В сочинении приводятся различные сведения об истории Британии, хотя их нелегко различить среди библейских цитат и риторических иносказаний автора. В одном из сохранившихся манускриптов труд Гильдаса называется «Печальной книгой о бедствиях, разорении и завоевании Британии» (“*Liber querulus de calamitate, excidio et conquestu Britanniae*”).

Сюжетные и риторические параллели между произведениями Гильдаса и Вульфстана, разделёнными промежутком в несколько столетий, заметны невооружённым глазом — прежде всего потому, что англо-саксонское и датское нашествия протекали по похожему сценарию, имели, по сути, одни и те же результаты и одинаково воспринимались современниками данных событий. Жестокое разорение страны, гибель значительной части властной элиты и населения, переход короны в руки новых хозяев вызывали в сознании людей, особенно церковных интеллектуалов (вроде Гильдаса или Вульфстана), ощущение конца света, Апокалипсиса, когда привычные устои мирной жизни неумолимо рушились, и это требовало какого-то объяснения. Данные реалии как нельзя лучше укладывались в рамки библейского представления о линейном времени, которое неизбежно закончится бедствиями и концом мира, описанными в «Откровении Иоанна Богослова». Естественной прелюдией к этому концу, с точки зрения церковных мыслителей, должна была быть нарастающая деградация христианской нравственности, распространение грехов и всевозможной аморальности, следствием чего, в свою очередь, должен был быть тотальный кризис и упадок общественных институтов

и государства. Нельзя не отметить в этой связи, что Вульфстан довольно точно отразил этот мотив, навеянный реальными событиями царствования Этельреда — ослаблением королевской и местной власти, многочисленными случаями трусости и предательства со стороны английских магнатов, уклонявшихся от своих военных обязанностей и фактически продававших страну захватчикам в угоду своим интересам, неспособностью властей организовать эффективную оборону. К сожалению, в нашем распоряжении нет столь же исчерпывающих сведений о состоянии британского общества и государственности в период вторжения англо-саксов, ввиду скудной источниковой базы, но напрашивается логичный вывод, что Гильдасу приходилось наблюдать аналогичные явления, поскольку его оценка ситуации абсолютно созвучна проповеди Вульфстана, опираясь, по сути, на одни и те же каноны средневекового историописания.

Рассмотрим, какие же признаки грядущего конца света выделяет Вульфстан в своей проповеди. Во вступлении к ней содержится сама по себе мысль о скором пришествии Антихриста, хорошо известная ещё по библейскому «Откровению Иоанна Богослова»:

«...Воистину: этот мир приближается к своему концу. И дела в этом мире идут чем дальше, тем хуже, и, должно быть, будут ухудшаться всё быстрее по причине греховных деяний людей день ото дня, пока не придёт Антихрист... Дьявол ведёт этот народ к краху столь долгие годы... Слишком много преступлений царит в стране, и слишком много людей свободно от должного воздаяния, и ежедневно громоздят одно зло на другое, и совершают несправедливости, и многочисленные нарушения закона по всей этой стране...»¹⁵.

Интересным риторическим приёмом является сравнение христиан с язычниками, которые оказываются добродетельнее в рамках

¹⁵ <http://english3.fsu.edu/~wulfstan/noframes.html>: “Leofan men gecnawað þæt soð is: ðeos worolde is on ofste & hit nealæcð þam ende. & þy hit is on worolde aa swa leng swa wyrse, & swa hit sceal nyde for folces synnan fram dæge to dæge, ær antecristes tocyme, yfelian swyþe. & huru hit wyrð þænne egeslic & grimlic wide on worolde. Understandað eac georne þæt deofol þas þeode nu fela geara dwelode to swyþe, & þæt lytle getreowþa wæran mid mannum, þeah hy wel spræcan. & unrihta to fela ricsode on lande, & næs a fela manna þe smeade ymbe þa bote swa georne swa man scolde, ac dæghwamlice man ihte yfel æfter oðrum, & unriht rærde & unlaga manege ealles to wide gynd ealle þas þeode”.

своей религии, нежели плохо исполняющие предписания христианской веры англосаксы:

«В языческих землях никто не смеет невыполнять того, что предписано культом (их) неверных богов; а мы пренебрегаем божеским долгом слишком часто. В языческих землях никто не смеет взять в храме или вне храма то, что принесено (их) неверным богам в качестве жертвы. А мы совсем лишили храмы божьи каких-либо приношений... и слуги божьи повсюду лишены почёта и защиты. Многие говорят, что среди язычников никто не смеет обижать служителей (их) неверных богов так, как это широко делается сейчас по отношению к служителям Бога здесь, где христиане должны соблюдать закон божий и защищать слуг божьих»¹⁶.

Сравнение с язычниками интересно ещё и потому, что датчане ко времени описываемых событий не были окончательно христианизированы. Хотя христианство насаждалось скандинавскими королями начиная с IX в., христианизация была крайне поверхностной, и большинство населения фактически исповедовало двоеверие или обрядоверие. Сам король Свейн Вилобородый был фактически человеком языческой ментальности (при формальном крещении), и, таким образом, датское войско, вторгшееся в Англию под его началом, не без оснований могло расцениваться англосаксами, как и предшествующие отряды викингов, опустошавшие страну в IX–X вв., в качестве язычников, в отличие от местных англо-скандинавов, пустивших прочные корни на английской земле и более твёрдых в христианской вере. Так или иначе, риторический приём сравнения добродетелей противника с целью укора в адрес своих соотечественников — весьма характерная черта средневековой и даже античной литературы, хорошо известная, например, по «Германии» Тацита.

Идеалом для Вульфстана вполне в духе его времени видится царствование короля Эдгара — «золотой век» мира и спокойствия, разительно контрастирующий с датским разорением: «Истинно гла-

---

¹⁶ Ibid.: “On hæpenum þeodum ne dear man forhealdan lytel, ne micel, þæs þe gelagod is to gedwolgoda weorðunge, & we forhealdað æghwær Godes gerihta ealles to gelome. & ne dear man gewanian on hæpenum þeodum, inne ne ute, ænig þæra þinga þe gedwolgoda broht bið & to lacum betæht bið. & we habbað Godes hus, inne & ute, clæne berypte ælcra gerisena, & Godes þeowas syndan mæþe & munde gewelhwær bedælde. & sume men secgað þæt gedwolgoda þenan ne dear man misbeodan on ænige wisan mid hæpenum leodum, swa swa man Godes þeowum nu ded to wide, þær Cristene scoldan Godes lage healdan & Godes þeowas griðian”.

голю: необходимо искупление, ибо с тех пор, как умер Эдгар, обязанности (людей) перед Богом столь долго уменьшались в каждом районе этой страны, и законы людские попирались столь много»¹⁷.

От упадка в области нравственности и религии Вульфстан переходит к социальным противоречиям, свидетельствующим о приближении «конца времён» и занимающим одно из центральных мест в проповеди. Как и большинство церковных мыслителей той эпохи, он не утруждает себя анализом каких-либо социальных или политических причин этих негативных явлений; напротив, они имеют провиденциалистское обоснование, неотделимое от общего кризиса нравов и веры в обществе, и мотивируются божьим промыслом:

«Вдовы повсюду вынуждены вступать в брак нечестными путями, и слишком многие (из них) доведены до бедности и совершенно унижены; бедняков предают и жестоко с ними обращаются, и многих, невинных, продают во власть иноземцев... Детей порабощают путём жестоких несправедливостей... Права у свободных людей отнимают, а у рабов — уменьшают... Свободные люди не могут ни сохранить свою свободу, ни ехать туда, куда желают, ни распоряжаться своей собственностью, как им хочется; рабы не могут иметь своей собственности, хотя в то же время у них есть повинности в виде тяжёлого труда... Каждый уменьшает свои благотворительные обязанности перед Богом, а то и пренебрегает ими... Несправедливость и беззаконие стали слишком общераспространёнными и слишком милыми людям. Короче говоря, законы божьи ненавидимы, и учение его презираемо; таким образом, все мы часто опозорены гневом божьим... И этот недостаток станет всеобщим... у всего народа, хотя Господь и хранит нас»¹⁸.

¹⁷ Ibid.: “Ac soð is þæt ic secge: þearf is þære bote forþam Godes gerihta wædan to lange innan þysse þeode on æghwylcan ænde, & folclaga wyrseðan ealles to swyþe, syððan Eadgar geendode”.

¹⁸ Ibid.: “& wydewan syndan wide fornydde on unriht to ceorle & to mænege forryrme & gehynede swyþe, & earme men syndan sare beswicene & hreowlice besyrwde, & ut of þysan earde wide gesealde swyþe unforworhte fremdum to gesealde, & cradolcild geþeowede þurh wælhreowe unlaga, forlytelre þyþe wide gynd þas þeode. & freoriht fornumene & þrælrht genyrwde & ælmæsriht gewanode. Frige men ne motan wealdan heora sylfna ne faran þar hi willað ne atean heora agen swa swa hi willað. Ne þrælas ne moton habban þæt hi agon on agenan hwilan mid earfeðan gewonnen. Ne þæt þæt heom on Godes est gode men geuðon. & to ælmesgife for Godes lufan sealdon. Ac æghwile ælmesriht þe man on Godes est scolde mid rihte georne gelæstan. Alc man gelitlað oððe forhealdeð, forðam unriht is to wide mannum gemæne & unlaga

Все это дополняется картинами бедствий войны, отягощёнными стихийными бедствиями, которые пришились сразу на несколько лет неудачного правления Этельреда:

«Ничто не процветает уже долгое время ни у нас, ни за рубежом... Лишь военное разорение и голод, пожары и кровопролитие почти повсюду, снова и снова. Воровство и убийства, чума, мор и болезни, злоба и ненависть, и ограбление (нас) грабителями... растут налоги, и от бурь частыми стали неурожаи зерна... Теперь часто родич даёт больше иноземцу, чем своему родичу, как и отец — детям, дети — отцу, брат — брату... Никто из нас не распоряжается своей жизнью так, как следовало бы, ни клирики, ни миряне... Слишком уж мы превратили наши желания в законы, и не соблюдаем... законов божьих так, как следовало бы. Ни у кого нет лояльных намерений и уважения по отношению к другим... но почти каждый предаёт и обижает другого словом и делом; и почти каждый бьёт другого в спину постыдными делами и несправедливыми обвинениями — пусть делает (так) ещё больше, коли сможет... Случается, что раб бежит от господина и, оставив христианскую веру, становится викингом, и после этого происходит схватка между тэном¹⁹ и (этим) рабом, и если раб убивает тэна, то за последнего не уплачивается вергельд его родичам, а если тэн убивает раба, которым он прежде владел, то он должен выплатить за него цену тэна. Глупые, постыдные законы и дани повсюду у нас... Англы полностью разгромлены... и пираты столь сильны... что зачастую в битве один побеждает десятерых (наших), а двое — двадцать... и всё — из-за грехов наших. И часто десяток или дюжина (викингов)... надругаются над женою тэна, или дочерью, или родственницей, а он созерцает это — он, кто прежде считал себя храбрым и сильным... Нынешние несчастья и позор англов — все от гнева божьего. Зачастую два-три викинга обращают в бегство толпы христиан от моря до моря... какой стыд для нас всех, если мы вообще знаем, что такое стыд. А весь этот удар, который мы сейчас претерпеваем, мы искупаем почестями тем, кто нас бьёт. Мы всё платим им (дань), а они каждый день унижают нас — опустошают, жгут, грабят и тащат (награбленное) на корабли. Что же ещё суть эти происшествия, как не гнев божий, ясный и очевидный всему народу?...»²⁰.

---

leofe. & hrædest is to cweþenne Godes laga laðe & lara forsawenne, & þæs we habbað ealle þurh Godes yrre bysmor gelome, gecnawe se þe cunne. & se byrst wyrð gemæne þeh man swa ne wene eallre þysse þeode butan God beorge”.

¹⁹ Тэн — мелкий служилый феодал в англосаксонской Англии, рыцарь в континентальной терминологии.

²⁰ Ibid.: “Forþam hit is on us eallum swutol & gesene þæt we ær þysan oftor bræcan þonne we bettan, & þy is þysse þeode fela onsæge. Ne dohte hit nu lange inne

Возвращаясь к внутреннему кризису в обществе, Вульфстан делает особый акцент на нарушениях лояльности в отношениях между господами и подчинёнными — отношениях, цементировавших феодальное общество. Раннесредневековые государства, в которых вся система власти была построена на личных отношениях нижестоящих и вышестоящих (во главе с самим королём), оставаясь во многом родоплеменной по своему характеру, были тем более уязвимы, чем слабее были личные качества самого вождя и его умение завое-

---

ne ute: ac wæs here & hungor, nu bryne & blodgyte on gewelhwylcan ende oft & gelome. & us stalu & cwalu, stric & steorfa, orfwealm & uncoþu, hol & hete, & rypera reafiac derede swyþe þearle. & us ungylda swyðe gedrohtan, & us unwedera foroft weoldan unwæstmā; forþam on þysan earde wæs, swa hit þincan mæg, nu fela geara unrihta fela & tealte getrywða æghwær mid mannum. Ne bearh nu foroft gesib gesibban þe ma þe fremdan, ne fæder his bearne, ne hwilum beam his agenum fæder, ne broþor oþrum. Ne ure ænig his lif ne fadode swa swa he scolde, ne gehadode regellice, ne læwede lahlice. Ac worhtan lust us to lage ealles to gelome, & napor ne heoldan ne lare ne lage Godes ne manna, swa swa we scoldan. Ne ænig wið oþerne getrywlice þohte swa rihte swa he scolde, ac mæst ælc swicode & oþrum derede wordes & dæde, & huru unrihtlice mæst ælc oþerne æftan heaweþ mid sceandlican onscytan & mid wrohtlacan -- do mare gif he mæge... And la! Hu mæg mare scamu þurh Godes yrre mannum gelimpan þonne us deð gelome for agenum gewyrhtum? Ðeh þræla wylc hlaforde æthleape & of Cristendom to wicinge weorþe, & hit æfter þam eft geweorþe þæt wæpngewrixl weorðe gemæne þegene & þræle: gif þræl þæne þegen fulllice afyllen licge ægyld ealre his mægðe, & gif se þegen þæne þræl þe he ær ahte fulllice afylle, gyld þegengylde. Ful earhlice laga & scandlice, nydgyld þurh Godes yrre us syn gemæne; understande se þe cunne. & fela ungelimpa gelimpð þysse þeode oft & gelome: ne dohte hit nu lange inne ne ute. Ac wæs here & hete on gewelhwylcan ende, oft & gelome, & Engle nu lange eal sigeleas & to swyþe geyrigde þurh Godes yrre. & flotmen swa strange þurh Godes þafunge, þæt oft ongefeohhte anfeosð tyne, & twegen oft twentig, & hwilum læs hwilum ma, eal for urum synnum. & oft tyne oððe twelfe, ælc æfter oþrum, scendað to bysmore þæs þegenes cwenan & hwilum his dohtor oððe nydmagan, þær he on locað, þe læt hine sylfene rancne & ricne & genoh godne ær þæt gewurde. & oft þræl þæne þegen þe ær wæs his hlaford cnyt swyþe fæste & wyrð him to þræle þurh Godes yrre. Wala þære yrmðe & wala þære woroldscame þe nu habbað Engle eal þurh Godes yrre. Oft twegen sāmæn, oððe þry hwilum, driwað þa drafe cristentra manna fram sæ to sæ -- ut þurh þas þeode, geweledede togædere, us eallum to woroldscame, gif we on eornost ænige cuþon ariht understandan. Ac eal ne þæne bysmor þe we oft þoliað, we gyldað mid weorðscype þam þe us scendað. We him gyldað singallice & hy us hynað dæghwamlice; hy hergað & hy bærnað, rypaþ & reafiað, & to scipe lædað. & la hwæt! Is ænig oðer on eallum þam gelimpum butan Godes yrre ofer þas þeode swutol & gesæne?''.

вызывать симпатии правящей элиты. Поскольку к Этельреду это определение относится самым прямым образом, можно констатировать, что кризис социальных связей сверху донизу охватил в то время всё английское общество, обретая характер системного. Вот как иллюстрируется этот кризис простыми словами проповеди Вульфстана:

«...Много в стране таких, кто предаёт своих господ разными способами. Величайшее в мире предательство своего господина — это такое, когда человек предаёт душу господина... и когда это ведёт к смерти господина или изгнанию его с родины, и оба этих случая уже произошли в нашей стране: Эдуарда предали и затем убили, а Этельред изгнан из своей страны²¹. Слишком много господ и детей божьих было убито, а вдобавок к тому слишком много невинных людей претерпели разорение... Слишком много христиан было продано за рубеж не так давно, и всё это целиком есть ненависть к Богу... Стыдно говорить о том, что случается повсюду. Ужасно узнавать, как... некоторые на совместные средства покупают женщину и вступают с ней во блудный грех по очереди, как собаки... а потом за деньги продают её — создание божье... во власть врагам. И мы также хорошо знаем преступные случаи... как отец продал иноземцам сына, сын — мать, брат — брата, и так (случается) во всём народе... Многие дают ложные клятвы и нарушают их раз за разом, и ясно, что гнев божий тяжко падёт на нас»²².

Отметим, что клятвopреступление было тягчайшим преступлением с позиций средневекового менталитета, в обществе, где устные договоры и клятвы составляли огромный пласт правового сознания, ещё далеко не вытесненный договорами письменными и имевший

²¹ Речь идёт о приходе короля Этельреда к власти посредством убийства своего родича, а затем — о бегстве самого Этельреда в Нормандию после поражений от датской армии в 1014 г.

²² Ibid.: “Forþam her syn on lande ungetrywþa micel for Gode & for worolde, & eac her syn, on earde, on mistlice wisan hlaforðswican manege: & ealra mæst hlaforðswice se bið on worolde þæt man his hlaforðes saule beswice. & ful micel hlaforðswice eac bið on worolde þæt man his hlaforðes saule beswice. & ful micel hlaforðswice eac bið on worolde þæt man his hlaforð of life forræde, oððon of lande lifindne drife, & ægþer is geworden on þysan earde: Eadweard man forrædde, & syððan acwealde & æfter þam forbærnde; and Æþelred mon dræfde ut of his earde. & godsibbas & godbearn to fela man forspilde wide gynd þas þeode, toecan oðron ealles to manegan þe man unscyldige forfor, ealles to wide. & ealles to mænege haligestowa wide forwurdan þurh þæt þe man -- sume men ær þam gelogode swa manna ne scolde, gif man on Godes griðe mæþe witan wolde”.

магический подтекст, унаследованный ещё из варварского (языческого) прошлого и плавно перешедший в христианское понимание правовых связей между людьми. Нарушение личной лояльности на всех уровнях логически неизбежно вело к краху всю социальную структуру общества и само государство.

Таким образом, военное разорение, стихийные бедствия, социальные проблемы и нравственный упадок в обществе сливаются в один неразделимый комплекс несчастий, который предвещает скорый конец мира. Если сравнить проповедь Вульфстана с «Откровением Иоанна Богослова», служившим образцом апокалиптических пророчеств для средневековых мыслителей, то нельзя не заметить, что автор «Откровения» облекал свои мысли в более расплывчатую форму видений, страшных и величественных, но довольно туманных, тогда как Вульфстан воздействует на предполагаемую аудиторию именно жёсткой констатацией конкретных фактов бедствий, происходящих или уже происшедших недавно у всех на глазах. Несомненно, это должно было найти более живой отклик у современной ему публики, на себе испытавшей описанные бедствия и принимавшей всё это близко к сердцу.

Подводя итоги, Вульфстан в который раз обращается к теме морального падения народа как к главной причине бедствий. При этом, его призывы к «защите» можно понимать двояко: усмотреть в них, с одной стороны, прямой призыв к отпору иноземным захватчикам, что, безусловно, было актуальным, а с другой — к внутреннему самосовершенствованию, улучшению нравов и изживанию всех грехов, которые привели общество к столь губительному положению дел. При этом проповедник отнюдь не даёт каких-либо гарантий счастливого освобождения от земных, мирских неурядиц, обрушившихся на английский народ, но скорее делает акцент на спасение души, тем самым предполагая важную для любого христианина идею о преодолении грядущего конца света через жизнь вечную, райскую, уготованную праведным душам после Страшного Суда:

«Неудивительно, что с нами происходит несчастье: нам хорошо известно, что слишком много лет люди слишком часто не заботились о том, что они творят словом или делом; этот народ, как кажется, слишком испорчен многочисленными грехами и плохими деяниями — убийствами и другими злодействами, скупостью и алчностью, воровством и грабежами, торговлей людьми и языческими обрядами, преда-

тельствами и мошенничествами, нарушениями закона и обманами, нападениями на родичей и... прелюбодеяниями, инцестами и прочими блудными деяниями... Стало так, что повсюду люди стыдятся скорее добродетели, чем злых дел... И поскольку люди так поступают, оскорбляя всё то, что они должны почитать, и ненавидя всё то, что должны любить, это приводит (их) к злым намерениям и делам, словно им не стыдно так грешить... даже против самого Господа... Им стыдно искупить свои греховные деяния, как тем людям из книг, которые из-за своей гордыни не будут защищать себя от несправедливости дотоле, пока уже не смогут это сделать, даже если и захотят... Но давайте же, во имя Господа, сделаем необходимое — защитим себя так убедительно, как только можем, пока мы все не погибли.

Был во времена бриттов историк по имени Гильдас, который писал... как грехами своими они привели в ярость Бога настолько, что он в итоге позволил войскам англоv завоевать их землю и разбить бриттов совершенно. И произошло это, по его словам, из-за попрания законов клириками и мирянами..., несправедного суда..., трусости посланников божьих, которые... мычали сквозь (сжатые) челюсти там, где надо было бы кричать во весь голос... Из-за многочисленных грехов, которыми они разрушили свою страну и сами погибли. Но давайте же воспримем из всего этого предупреждение, поскольку нам это нужно... Мы знаем о греховных деяниях англоv, и о том же слышали относительно бриттов. Таким образом, нам необходимо задуматься и обратиться... к самому Господу... Давайте же возлюбим Бога и будем следовать законам божьим, и добросовестно выполнять то, что мы обещали, принимая крещение... И будем размышлять почаще о Страшном Суде, на который мы все попадём, и спасём себя от пламени адских мук, и достигнем славы и радостей, уготованных Богом тем, кто претворяет его волю в мире»²³.

²³ Ibid.: “Her syndan þurh synleawa, swa hit þincan mæg, sare gelewede to manege on earde. Her syndan, swa we ær sædon, mannsлагan & mægslagan & mæsserbanan & mynster hatan & hlafordswican & æbere apostatan, & her syndan mansworan & morþorwyrhtan, & her syndan hadbreacan & aewbreacan, & ðurh siblegeru & ðurh mistlice forligeru forsyngode swyðe, & her syndan myltestran & bearn myrðrah & fule forlegene horingas manege, & her syndan wiccan & wælcyrian, & her syndan ryperas & reaferas & woruldstruderas & ðeofas & þeodscadan, & wedlogan & wærlogan. & hrædest is to cwæþenne mana & misdæda ungerim ealra: & þæs us ne scamað na, ac þæs us scamað swyþe þæt we bote agennan, swa swa bec tæcan, & þæt is gesyne on þysse earman forsyngodan þeode. Ea la! Micel magan manege git hertoeacan eaþe beþencan þæs þe anman ne mehte on hrædinge asmeagan, hu earmlice hit gefaren is nu ealle hwile wide gynd þas þeode. & smeage huru georne gehwa hine sylfne, & þæs na

Наконец, поскольку речь зашла о Гильдасе, имеет смысл сравнить, в каких словах кельтский писатель обрисовывает картину, аналогичную сюжету из проповеди Вульфстана, а конкретнее — какие причины грядущего конца он выделяет:

«У нашего народа всегда было в обычае, что он неспособен к отражению иноземных врагов, зато храбр и непобедим в междоусобных войнах... неспособен к миру и правде, зато горазд в злобе и лжи... Ненависть к истине... сейчас разрушает любое добро на (нашем) острове; любовь к лжи... к преступлению вместо доблести, уважение к злобе вместо доброты, любовь к тьме вместо солнца, принятие Сатаны за ангела света.

Королей выбирали... по тому, кто как превзошёл прочих в жестокости, а вскоре после этого избравшие их же и убивали... потому что находили ещё более жестоких. Если кто-то из них был мягче по характеру или как-либо более восприимчив к истине, на него взирали как на разрушителя государства... Они творили всё это вопреки своему спасению, как если бы не было воздаяния (за это свыше). И не только миряне поступали так; даже пастыри господни, должные служить людям примером, проводили своё время в пьянстве... У Британии были короли — но они были тира-

---

ne latige ealles to lange. Ac la, on Godes naman, utan don swa us neod is, beorgan us sylfum swa we geornost magan, þe læs we ætgædere ealle forweorðan.

An þeodwita wæs on Brytta tidum, Gildas hatte. Se awrat be heora misdædum, hu hy mid heora synnum swa oferlice swyþe God gegræmedan, þæt He let æt nyhstan Engla here heora eard gewinnan, & Brytta dugeþe forðon mid ealle. & þæt wæs geworden þæs þe he sæde, þurh gelæredra regolbryce & ðurh læwedra lahbryce, þurh ricra reaflac & þurh gitsunge wohgestreona; ðurh leode unlaga & þurh wohdomas, ðurh biscopas asolcennesse & unsnotornesse, & þurh lyðre yrhðe Godes bydela, þe soþes gewugedan ealles to gelome & clumedan mid ceaflum þær hy scoldan clypian. Þurh fulne eac folces gælsan & þurh oferfylla & mænigfealde synna heora eard hy forworhtan & selfe hy forwurðan. Ac wutan don swa us þearf is warnian us be swilcan, & soþ is þæt ic secge, wyrsan dæda we witan mid Englum, sume gewordenne þonne we mid Bryttan æhwar gehyrdan. & þy us is þearf micel þæt we us beþencan & wið God sylfne þingian georne. & utan don swa us þearf is gebugan to rihte & be suman dæle unriht forlætan, & betan swyþe georne þæt we ær bræcan. & utan God lufian & Godes lagum fylgean, & gelæstan swyþe georne þæt þæt we behetan þa þe fulluht underfengan, oððon þa þe æt fulluhte ure forespecan wæran, & utan word & weorc rihtlice fadian, & ure in geþanc clænsian georne, & að & wed wærlice healdan, & sume getrywða habban us betweenan butan uncræftan. & utan gelome understandan þone miclam Dom þe we ealle to sculon & beorgan us georne wið þone weallendan bryne helle wites, & geearnian us þa mærfþa & þa myrhða þe God hæfð gegearwod þam þe his willan on worolde gewyrcað”.

нами; судьи — неправедными; совершенно вовлечёнными в грабёж и хищения, но всегда невинные были им добычей; при избытке жён подверженными разврату и прелюбодейству; всегда готовыми давать клятвы и столь же часто их нарушать... Они ведут войны, но войны против своих же соотечественников, несправедливые; они строго карают преступников по всей стране, но те, кто сидит с ними за столом, сами — воры... Они обильно раздают пожертвования, но по сравнению с этим из их преступлений можно навалить целую гору; они сидят на троне правосудия, но редко пекутся о справедливом суде; они обижают невинных и убогих, но используют любой случай, чтобы до крайности возвеличить бесчеловечное; гордецы...убийцы, развратники, враги Бога...»²⁴.

Нетрудно заметить, что мотивы катастрофы кельтской Британии перед лицом англосаксонского нашествия у Гильдаса фактически те же, что и в проповеди Вульфстана, хотя, в отличие от последнего, Гильдас в большей степени обличает правящую элиту бриттского общества, уделяя остальным слоям населения буквально пару слов. Упоминание о Сатане у Гильдаса видится отнюдь не случайным, так как именно этот образ тесно связан с представлениями о конце света, Апокалипсисе и последующем Страшном Суде. Стиль повествования Гильдаса отличается от стиля Вульфстана большей красочностью и цветистостью, испытывая очевидное влияние античной традиции, близкой первому по времени гораздо больше, чем второму, а также ввиду разных целей произведений: неизвестно, использовался ли когда-нибудь труд Гильдаса для прочтения в устной форме, в отличие от «Проповеди Волка», жанрово предназначенной для этого. Однако, в обоих случаях хорошо заметно, что идея о грядущем конце мира навеяна текущими реалиями жизни — кризисом государственности, упадком нравов в обществе, социальными противоречиями, и мрачный финал в виде иноземного завоевания и разорения видится закономерной расплатой страны и народа за накопленные неправедными деяниями грехи, искуплением последних. В этом трагизме прослеживается даже некоторая нотка страдальческого злорадства мудреца, который сетует на невнимание глупого, погрязшего в грехах люда к давно предсказывавшимся проблемам в области морали и самого бытия общества и государства.

---

²⁴ <http://www.fordham.edu/halsall/basis/gildas-full.html>. По тексту: Giles J. A. (John Allen), 1808–1884, ed. Six old English chronicles, of which two are now first translated from the monkish Latin originals. Imprint: L., G. Bell & sons, 1891.